

Спектакль длиною в жизнь

Сергей Женовач утверждает, что поставить сейчас спектакль в театральной Москве — подвиг. Сам же выпустил на Малой Бронной театральную версию "Идиота" Достоевского — роман в трех спектаклях. Постановка, растянувшаяся на три вечера, — явление в наши дни уникальное... Поэтому неудивительно, что наш разговор начался именно с Достоевского, с режиссерского видения инсценированного романа, с личности главного героя — князя Мышкина.

ВОКРУГ СЦЕНЫ

Мария ХАЛИЗЕВА

- Сергей Васильевич, не боитесь ли вы, что, погружая зрителей в мир героев Достоевского, увиденный вашими глазами, столь надолго, можно вызвать острое неприятие у тех, кому ваша трактовка покажется спорной?

— Дело в том, что любое произведение, будь то литературно-драматическое, музыкальное, тем более театральное, формулировать сложно, особенно людям, которые его создают. Иначе зачем делать спектакль? Всегда хочется, чтобы возникало как можно больше ассоциаций, как можно больше вариантов. А когда все сделано ради одной мысли, и триста человек в зале все к этой одной мысли пришли и со всем согласны, это абсурд и неправда, мне это неинтересно... Сколько людей в театре, столько и спектаклей в голове должно возникать, разных. Происходящее на сцене — только повод для того, что разворачивается в вооб-

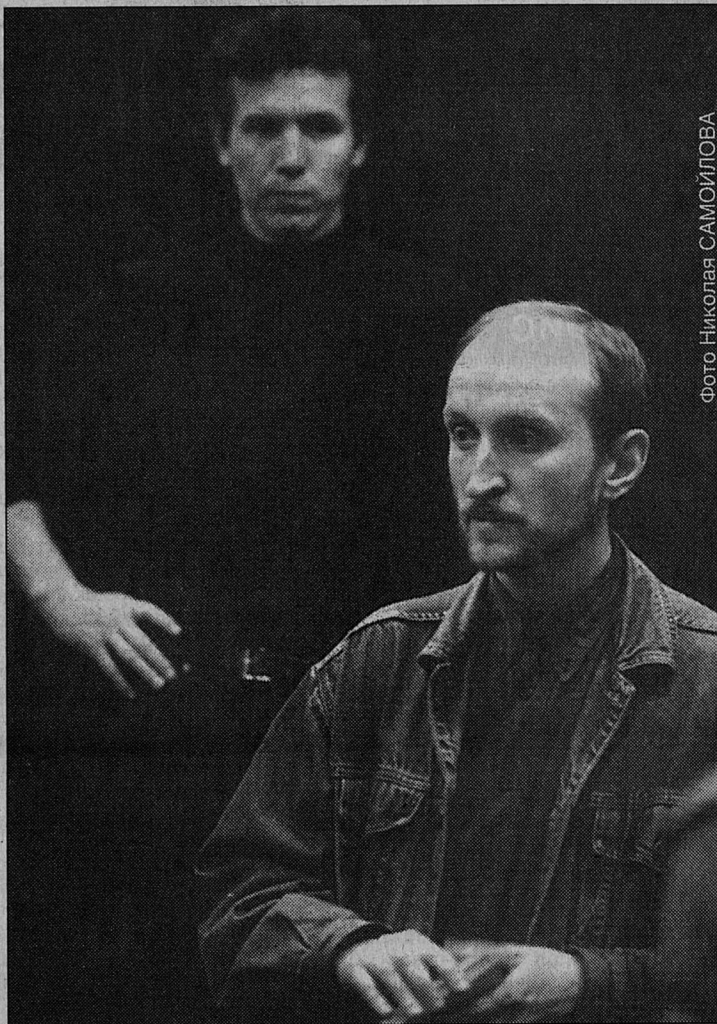

Фото Николая САМОЙЛОВА

ражении зрителя.

Если говорить о постановке по "Идиоту", то это была лишь попытка прочитать роман, прочитать внимательно, конечно, в меру нашей одаренности, и вычитать смысл. Задачи трактовать произведение мы не ставили; я вообще терпеть не могу этого на театре. Что касается Льва Николаевича Мышкина, сам Достоевский, когда замысливал "Идиота", главным образом хотел вывести положительный персонаж. Это известно, но поче-

му-то все забывают, что это у него не получилось. Всегда интересны те произведения, где художник для себя терпит поражение. Фолкнер говорил: "Мои романы — это мои поражения". Вот такое поражение Достоевский и потерпел в "Идиоте", на самом деле написав, может быть, один из самых трагических и лучших романов в русской литературе. Поражение было в том, что он хотел создать положительно-прекрасного героя, как сам его называет, "князя Христоса", а

в итоге получился странный человек, который лишен эгоизма, самолюбия, вырос среди детей, не сталкивался ни с трагедией, ни с драмой, жил почти в стерильных условиях. И вдруг он оказывается в Петербурге, в сложном городе, встречается с разными людьми, с их противоречивыми страстями и пытается просто жить, постигая. Сначала ему все нравится, он готов даже с камердинером полчаса поболтать и быть искренним с ним, но постепенно начинает осознавать, насколько трудно всех понять, тем более полюбить и примирить друг с другом. По мере написания романа Достоевский видит, что это далеко не прекрасный человек, что каждый раз его общение с людьми оборачивается новой трагедией и для Льва Николаевича, и для окружающих. Потому что невозможно всех понять, невозможно всех любить, ведь чувство любви — чувство эгоистическое. Мышкин же любит двух женщин одновременно, совершает ряд нелепых и совершенно непредсказуемых поступков. И в третьей части спектакля именно оттого, что не может все это совместить в своей голове, он сходит с ума, а вместе с этим терпит крах достоевская идея положительно-прекрасного человека.

— В области режиссуры что для вас важнее: психологический рисунок роли, работа с актерским ансамблем или выстраивание мизансцены?

— Одно другому не противоречит, на самом деле это единство: ансамбля, смысла и выражения. Профессия режиссера — добиваться того, что мерещится; реализовывать замыслы, представления, мечты. Если этой реализации не происходит, значит, режиссер — плохой профессионал, а если у него нет того, что реализовывать, значит, он просто

неталантливый и бездарный человек.

Так что смысл и выражение должны быть едины: понимаешь, про что, начинаешь искать, как, а когда ищешь как, думаешь про что.

Другое дело, когда спектакль представляет собой набор находок. Мой учитель Петр Наумович Фоменко даже говорит своим ученикам: "Отнесите вашу находку в "бюро находок". Главное, чтобы все было просто, органично и казалось, что это легко! Это и есть мастерство. А как только начинаешь что-то специально придумывать, умирает искусство. Когда произведение готово, его можно принимать или не принимать, всякие "измы" приписывать. А когда оно творится, оно творится из души. Вначале что-то ищется бессознательно, а потом уже мастерством оттачивается, уточняется.

— А театральную критику вы считаете творчеством?

— Я не понимаю слова "критик". Есть профессия искусствоведческая, которая позволяет уйти от сегодняшнего дня, заниматься исследованием общих театральных процессов. Кроме того, существует театральная журналистика, которой сейчас, с моей точки зрения, владеют единицы. Это умение почувствовать спектакль, отбросить все свои концепции, заумы, а главное, гордыню, и помочь театру найти своего зрителя. Но когда начинают поучать режиссера, как надо ставить, это недопустимо.

К сожалению, нередко все сводится к тому, что главное для пишущего критика — не театр, а самовыражение. Человек начинает трястись над собственным мнением, потому что мнение — это его профессия. И тогда среди рецензентов начинается подобие соревнования: "Ага, если мэтры сказали "да", значит, я либо

должен петь в унисон, либо, посчитав это вчерашним днем, назло им высказаться иначе...". И начинаются игрища. Такие статьи неинтересно читать ни коллегам, ни профессионалам, ни зрителям. Они засоряют сознание, мешают создавать спектакли, вносят в работу ненужный нерв, воспитывают комплексы у актеров. Следствие этого — профессию критика в театре начинают ненавидеть.

Сколько раз писали: Женовач хотел вот это. Да ты спроси, хотел он этого или не хотел! Люди должны быть профессионально ответственные, потому что имеют дело с печатным словом, тем, что остается.

У меня даже была однажды такая абсурдная мысль, попробовать провести рейтинг по критикам, как делают рейтинг по спектаклям, чтобы профессионалы оценили, какая статья соответствует тому, что они сделали, а какая — нет. Я вас уверяю, там будут единицы и двойки, потому что такого неуважения к профессионалам мало где можно встретить! А ведь человек имеет право на неудачу, судьбой имеет право! Мы же не живем каждый день талантливо: у нас ведь не каждый день — счастливый, бывают и будни. То же самое творческий человек. Не может из гениальных ролей или спектаклей состоять судьба!

Либо нужно любить театр, либо этим театром не заниматься! Другое дело, что в конечном счете это мнение ничего не решает. Все равно "Каждый пишет, как он дышит..."

Я уважительно отношусь к людям, которые любят театр больше себя, понимают театр, ценят театр и стараются принести пользу театру. Жизнь — короткая, а спектакль действительно делаешь болью, жизнью, судьбой.